

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

УДК 159.9:7.01 © П. Т. Тюрин, 2017

Личностные выборы в ситуациях альтернативных решений

Павел Трофимович Тюрин,

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии
Балтийской международной академии.

Рига, Латвия. e-mail: pavels.tjurins@e-teliamtc.lv

В статье обсуждаются мотивации человека при выборе решения в ситуациях двойного требования: когда одновременно действуют нормативные и ситуативные требования. Проблема выполнимости норм и их целесообразность, вопрос принятия за критерий адекватность выбора поведения в нестандартных ситуациях остаются трудноразрешимыми задачами. Как безоговорочное следование нормативным стереотипам и игнорирование требований, рождающихся спонтанно в жизненной ситуации, так и склонность человека без достаточных на то причин пренебрегать действующими в обществе нормами поведения не соответствуют критериям адекватного взаимодействия людей. Поскольку поведение человека реализуется в широком диапазоне — от правила «ни в коем случае нарушать нельзя» до правила «ни в коем случае придерживаться нельзя», то действующие правила (чтобы они не вступали в противоречие с их целевой функцией и поддерживали оптимальное взаимодействие) должны оперативно корректироваться в зависимости от конкретно происходящих событий.

Ключевые слова: социальные нормы, обстоятельства двойного требования — нормативные и ситуативные требования, схематизм поведения, личностный выбор в принятии решений, ситуативная корректировка законов.

Для цитирования: Тюрин П. Т. Личностные выборы в ситуациях альтернативных решений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 2(69). С. 33–38.

Лучше быть мышкой в когтях кошки, чем человеком в руках законника.

(Итальянская пословица)

С момента рождения индивидуальная жизнь каждого из нас вплетена в жизнь многих людей, а потому любую ситуацию человек должен рассматривать не только со своей (частной, субъективной), но и с общей (сторонней, чужой) точки зрения. В обществе интересы других наиболее явно представлены в виде различных нормативов — законов, правил, традиций, обычаев и т. п. Поскольку человек живет в непрерывно меняющемся мире, социальные нормы обеспечивают устойчивость функционирования социальной системы. Они выступают как средства сохранения и передачи коллективного опыта людей, представляют мир *должного*, т. е. требуемого, ожидаемого, одобряемого или осуждаемого, отражая исторические условия развития общества и придавая качественное своеобразие его этапам.

Социальные нормы в обществах любого типа и любой культуры регулируют взаимодействие людей во всех сферах жизни, в основе которых общественные идеалы, ценности и установки; они формируют огромное число производных от них более частных и специальных норм, регламентируют разнообразные

отношения членов общества и его групп, определяя разрешенное, поощряемое, нежелательное и запретное поведение [1, с. 65–74]. Социальные нормы выполняют жизненно важные функции:

1) обеспечивают *предсказуемость* поведения окружающих; зная нормы и правила, а также то, что человек принадлежит к данному обществу или группе, можно предвидеть его поведение в различных ситуациях;

2) позволяют *стандартно реагировать*, не задумываясь, не рискуя попасть в неприятную ситуацию либо создать ее для других. С этой точки зрения нормы оказываются фактором стабилизации отношений, порождают в человеке ощущение уверенности и неизменности, прочности окружающей среды;

3) способствуют *эффективному осуществлению любого вида совместной деятельности*. Социальные нормы — это общий язык, с помощью которого происходит согласование частных восприятий и оценок людей;

4) создают «лицо» общества, по которому о нем судят и получают представление не только посторонние, но и люди, принадлежащие этому обществу. Иными сло-

вами, функционирование социальных норм формирует определенные типовые особенности людей.

Отсутствие общих норм поведения в обществе порождает в человеке состояние беспокойства и неуверенности, так как он не знает, чего ждать от окружающих и какую линию поведения выбрать, чтобы не навлечь на себя осуждение [2].

Всегда ли, в какой мере и при каких условиях индивид может быть заинтересован в строгом соблюдении социальных норм? Так или иначе, но проблема выполнимости норм, их целесообразность и приемлемость в конкретных ситуациях остается трудноразрешимой, что именно принимая за критерий адекватности выбора поведения в нестандартных ситуациях — этот момент до сих пор вызывает ожесточенные споры.

Многие жизненные ситуации, с которыми сталкивается человек, с большей или меньшей степенью детализации отражены в различных социальных нормах и в предписаниях о том, как должно вести себя в том или ином случае. Выработанные обществом правила следуют из требований жизни, ее конкретных условий и обстоятельств: нельзя обманывать, убивать, наносить ущерб человеку без веских на то причин и т. д. Но мы понимаем, что убить врага в условиях войны может быть не только оправданным, но и необходимым. Знаем, что переходить улицу на красный свет светофора нельзя, мы убеждаемся в целесообразности этого, когда видим поток мчащихся машин. Но когда замечаем, что ребенок выбежал на проезжую часть, то возникают новая ситуация и новые требования, существующее правило автоматически отменяется и должно быть нарушено. Это означает, что наличие социальных шаблонов не исключает и даже предполагает импровизации — любое социальное действие индивида располагается на континууме жестко регламентированных и самостоятельных инициативных действий человека. Таким образом, все поведение человека реализуется в широком диапазоне — от правила «ни в коем случае нарушать нельзя» до правила «ни в коем случае придерживаться нельзя» [3].

В зависимости от реальных условий правила и нормы могут отменяться вовсе или заменяться иными, подобными новым условиям жизни. Однако далеко не все социальные нормы (как и случаи их необходимой отмены) носят законодательно оформленный характер: многие существуют как неписанные правила или законы здравого смысла, а потому поведение человека нередко реализуется *между буквой и духом закона*. Социальный психолог Р. Харре подчеркивает необходимость осмысленности и целесообразности социального поведения,

которое важно верно интерпретировать. Социально компетентный человек, по его мнению, — это тот, который *знает и умеет себя вести*¹ в разнообразных ситуациях взаимодействия, поскольку обладает необходимыми когнитивными ресурсами, умеет читать значения высказывания или жеста [4].

Человек живет в постоянно меняющемся мире, поэтому правила (тем более, если они писанные, формальные) вносят в изменчивый мир стабильность и порядок. Реальная действительность многообразна, а у каждого человека могут найтись особые причины, отклоняющие его от действий, согласованных с интересами большинства. Социальные же нормы и правила сравнительно немногочисленны и однозначны, именно поэтому в них заложена существенная доля определенности и стабильности, что сказывается на взаимоотношениях людей, это помогает им согласовывать совместные действия, приводить их к общему знаменателю.

Мы ожидаем от других выполнения обещаний, часто не считаясь с тем, какие причины могли этому помешать. У каждого могут быть особые обстоятельства, подталкивающие отойти от усредненной общей выгоды в сторону своей (ситуативной). Отклонения от формальных индексов требуемого *обычно осуждаются*, особенно, если достигнутое преимущество в результате несоблюдения требуемого не является очевидным и бесспорным для других, если это отступление не было вызвано стремлением принести пользу другому — некорыстное отклонение. Поэтому, если не видна бескорыстность нарушения правил, то их несоблюдение осуждается и наказывается. Соблюдение правил обычно рассматривается как нормальное поведение человека, считается естественным, за него человек не получает специального вознаграждения, в то время как нарушение правил влечет специально организованную систему наказаний. Но награда за законопослушное поведение все-таки есть — это безопасность и спокойствие нашей жизни. К тому же это значительно упрощает организацию повседневной деятельности.

Иногда мы занимаем выжидательную позицию, когда хотим понять причины, побуждающие (или вынуждающие) человека не соблюдать правила, пытаемся найти этому оправдание, ведь довольно часто нарушителями оказываются люди, находящиеся в расстроенных чувствах, или психически больные. Кроме того, могут быть случаи нарушений, которые обусловлены незнанием (или частичной осведомленностью) правил и обычаев, действующих в данной среде.

Правильное поведение предсказуемо, а потому во многом обеспечивает определенность существования.

¹ Это означает, что социально компетентное действие следует понимать как умелое действие в ситуации общения, поскольку, желая сохранить уважение окружающих, человек постоянно стремится доказать им уместность своих поступков. Социальные умения — это интеллектуальные навыки, используемые для решения различных проблем, которые возникают благодаря присутствию других людей, что предполагает выяснение, какими реальными ресурсами располагает человек. Слово «уместность» в русском языке может быть сопряжено со словом «уметь», которое, в свою очередь, есть производное от «ум». Ум — это умение считаться с другими, умение сдерживаться, не проявлять своего отношения, своих чувств и мыслей в случаях, когда это неуместно. Ум — это способность быть у места своего мышления, а «место» — это, конечно же, объект моего мышления, в общении — это конкретное состояние другого человека, с которым стремишься взаимодействовать. Следовательно, одно из свойств ума — быть в контакте с объектом мышления, доставлять себе или другому возможность взаимодействовать с другим или собой.

Действия не по правилам трудно предсказуемы, т. е. жизнь человека в какой-то степени ставится в зависимость от непредсказуемости других людей. Поведение человека, действующего не по правилам, может восприниматься окружающими как угроза их собственному спокойствию — как *опасное* поведение. Другими словами, оно не дает возможности другим прогнозировать его поведение. Люди начинают воспринимать «неправильного другого» как опасное или неразумное существо: его опасности (неразумности) находятся в несогласованности с интересами других, так как наша жизнь может оказаться непредсказуемо зависимой от его ненормативности. Намеренно человек нарушает правила или по неразумению? В любом случае он, в силу рассогласованности с другими, воспринимается как ненадежный.

Законы общества — это категория священная, так как в хаосе мнений, оценок и интересов разных людей они *устанавливают общий масштаб для действий всех*. Правила имеют инвариантное значение, у них почти всегда есть преимущество перед ситуативными требованиями, поскольку они являются носителями *надситуативного смысла*. Это означает, что для оправданного нарушения правил человек должен иметь особые, веские причины, понятные и признаваемые другими.

Нарушение правил может и не наносить видимого материального, т. е. реального ущерба, но оно может противоречить представлениям человека о должном и недолжном, недостойном. Кроме того, *ущерб от нарушения правил может быть отсроченным по времени*.

Правила всегда выше ситуативных обстоятельств, так как они являются носителями неиндивидуального, «нечеловеческого» значения. Игнорирование ситуативного (исполнение формальных требований даже в ущерб благоприятному развитию конкретной ситуации) ненаказуемо и проще. Нарушителю формальных требований всегда можно поставить в вину: вы улучшили состояние данного момента реальности, но, возможно, ухудшили более широкий контекст этой ситуации, так как нельзя учесть всех последствий нарушенного правила. В любом нарушении при придирчивом исследовании последствий, к которым оно может привести, *всегда можно найти ту или иную степень ущерба более общей реальности*.

Пример следования *ситуативным* требованиям:

«Водитель троллейбуса задержался на остановке, чтобы человек, бежавший к ней издалека, успел войти в троллейбус».

Претензия к ситуативному поведению водителя с позиций нормативности: водитель поступил как «добрый» человек по отношению к одному (опаздавшему) и как «недобрый» по отношению к другим (пассажиры в троллейбусе и ожидающие на других остановках). Многие люди дорожат каждой дорожной минутой, особенно, если им предстоит сделать несколько пересадок.

Действительно, если учесть, что ущерб от нарушений правил может быть отсроченным по времени и выражается не только материально, то в любом на-

рушении правила можно найти его отрицательные последствия. Это значит, что любой человек, нарушающий правило (если он не имеет веских и очевидных объективных, вынуждающих к этому причин), в лучшем случае может рассчитывать лишь на снисхождение окружающих.

Нередко возникают ситуации, когда имеющиеся правила уже не обеспечиваются реальной необходимостью их исполнения. Это случаи, когда применительно к данным обстоятельствам оно стало бессмысленным, даже абсурдным, его исполнение дискредитировало бы изначальную ценность правил, подчеркивая чрезмерно абстрактный характер, не учитывающий нужды конкретных людей. Следовательно, исполнение правила должно отменяться, когда оно приносит не положительный результат, а вред.

Актуальность указанной проблематики становится особенно очевидной, если учесть, что огромное множество житейских обстоятельств — это **ситуации двойного требования**, когда одновременно действуют и конкурируют требования момента и требования правила.

Если некто продолжает соблюдать правило, ставшее в данное время неуместным, то он и становится подлинным нарушителем объективных требований реальности. И человек, не соблюдающий правило, ставшее бессмысленным, оказывается нарушителем другой реальности — формально не отмененного и действующего правила. Таким образом, в ситуациях, где необходимость следовать предписаниям правила стала неуместной, появляются два возможных «нарушителя» (или два типа нарушений):

- требований реальной ситуации,
- предписаний реально существующего правила.

Два нарушителя — один нарушает одно, другой — другое, но каждый имеет аргументы в защиту своей позиции.

Два нарушения, но они неравноценны:

1) в первом случае (*игнорируя актуальные интересы человека в пользу требований социальной нормы*) «нарушитель» имеет преимущество, поскольку стоит на стороне интересов большинства (отклонение от правил есть нарушение санкционированных **для всех** форм однообразного поведения), а потому заведомо может рассчитывать на их поддержку и одобрение;

2) во втором случае (*игнорируя правило в пользу требований реальной ситуации*, отзываясь на конкретные запросы людей) нарушитель обращает внимание на интересы отдельного человека, т. е. лишь малой части общества. В этом случае допустимые, а иногда и необходимые к исполнению требования ситуации, идущие вразрез с требованиями правил, не могут быть фиксированы и предсказаны, они возникают спонтанно, часто носят субъективный характер. За то, что человек должен был нарушить правило, но не сделал этого, обычно никто не несет ответственности, хотя, возможно, человек будет упрекать себя всю жизнь.

Преимущества безусловного следования нормативному поведению проявляются в случаях, когда результатом жалобы клиента руководству на бездушные действия

служащего оказывается не наказание сотрудника, а благодарность начальства работнику, формально исполняющему свои обязанности, который таким отношением к работе якобы подтверждает свою надежность.

По-видимому, психологическая ориентация человека на игнорирование требований ситуации (за что никто не имеет формальных оснований его обвинить) делает его «внешне ответственным», но «внутренне безответственным» человеком [5]. За игнорирование требований ситуации с него не спросят, потому что *упрекнуть или обвинить могут только за нарушение того, на что можно указать как на неисполнение фиксированных требований*. Исключения из правил возможны и даже допускаются, но желательно, чтобы они были перечислены. Если выясняется, что в подобном перечне есть пропуски, то совершившееся отклонение может произойти только по исключительным причинам, а оценка степени исключительности ситуации и необходимости нарушения правила в этот момент оказывается в сфере субъективных представлений человека о должном. Это свое решение он, возможно, вынужден будет обосновывать как необходимое и единственно верное (на фоне общих требований установленной нормы поведения). В тех случаях, когда человек ориентируется в своем поведении на ситуативные требования, он в той или иной степени пытается реализовать свои права индивида, которые являются только выражением интересов, часто побуждающих его преодолевать ограничения общей социальной нормы. Другими словами, соотношение нормативного и ситуативного в поведении человека прямо или косвенно связано с проблемой соотношения прав индивида и прав общества в отношении его членов.

Именно разномасштабностью общего в законе и частного в жизни обусловлено то, что судья при вынесении приговора принимает решение не только в соответствии с законом, но и согласно своим внутренним убеждениям о степени правомерности действий человека и о необходимом в его случае наказании.

Известный юридический принцип «разрешено все, что не запрещено» обеспечивает человеку большую свободу, чем противоположный принцип — «запрещено все, что не разрешено». Поэтому значительное число юридических установлений носит запретительный характер не только в силу указанного обстоятельства, но и в силу того, что перечислить все возможные «разрешительные» ситуации, предусмотреть все действия, регламентируя любые жизненные обстоятельства, невозможно. Эта невозможность проявляется и в том, что в обществе установлена не только законодательная власть, но и судебная, осуществляющая правосудие, разрешающая споры между конкретными лицами, рассматривающая дела об оспаривании правовых предписаний. В трудах знаменитого юриста А. Ф. Кони большое внимание уделяется проблеме внутреннего убеждения. По его мнению, судья должен напрягать все свои душевные силы для отыскания истины в деле при вынесении приговора, он не должен находиться в плену мимолетного мнения, вынужденного порывом чувства

или предвзятым взглядом, он не вправе решать дела по принципу «я так хочу». Его девизом должно быть «я не могу иначе». Но еще более недопустимым и опасным является автоматическое применение закона по его буквальному смыслу, когда судья не утруждает себя проникновением в его внутренний смысл, обличающий намерение законодателя, а находит бездушное успокоение в словах *dura lex, sed lex*. Это недостойно судьи, хотя во многих практических случаях подход может оказаться для него не только удобным, но даже и выгодным. Для понимания и толкования закона, утверждал А. Ф. Кони, необходима самостоятельность судьи и вдумчивая работа над осмыслением сути той или иной правовой нормы, без чего невозможно проникновение в мысль законодателя. Поэтому, «если он хочет быть действительно судьей, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно обязательным» [6, с. 39, 34].

Созвучна высказыванию выдающегося юриста и позиция психолога Т. Шибутани, который считает, что индивид, похожий на идеальную модель рационального человека (никогда не обнаруживающий свои склонности и поступающий всегда так, как нужно), — это крайность. «Хотя рациональность давно превозносится философами (и вслед за ними и профанами), такие люди если и могут быть обнаружены, то лишь среди тех, кто считается психически ненормальным. Но судья, который настаивает на соблюдении буквы закона и отказывается принять в расчет смягчающие обстоятельства, кажется бесчеловечным» [7, с. 305–306].

Поскольку формальные требования упрощают и схематизируют разнообразие жизненных ситуаций, применение на практике действующих в обществе норм должно корректироваться с учетом реальных жизненных обстоятельств, так как установка на исключительное следование нормативным требованиям обесценивает значимость ситуативных требований, что неизбежно оборачивается игнорированием актуальных потребностей человека.

Очевидно, что как безоговорочное следование нормативным стереотипам и игнорирование требований, рождающихся спонтанно в жизненной ситуации, так и склонность человека без достаточных на то причин пренебрегать действующими в обществе нормами поведения не соответствует критериям адекватного взаимодействия.

Выражая свое отношение к сложным ситуациям, в которых выбор альтернатив поведения вызывает у человека ту или иную степень когнитивного диссонанса, он предоставляет психологу важную информацию об особенностях своей личности.

С особой остротой проблемность и трудность принятия решения возникает тогда, когда вес ее нормативных и ситуативных компонентов оказывается примерно одинаковым и эквивалентным. Тогда выбор тех или иных действий определяется установками и личностными особенностями человека или группы лиц, ответственных за принятие решений.

В психологических исследованиях было замечено, что человек, для которого характерно нежелание действовать без опоры на правила, — это человек, у которого отсутствует внутренняя уверенность в своем нынешнем благополучии и в перспективах в данном социальном окружении. Кто готов безоглядно отстаивать приоритетное значение правил и не допускает их замену неформализованной альтернативой, тот бессознательно избегает выполнения таких действий, которые ему пришлось бы обеспечивать исключительно своими личными силами, не дожидаясь формального подтверждения их целесообразности. Для него важнее оказывается номинальная связь с декларируемыми ценностями, чем действительная к ним причастность. Избавляясь от бремени действовать по внутренней необходимости, человек лишается ощущения полноты жизни, что подтверждают психологические исследования природы конформизма. Было обнаружено, что одной из стратегий, используемых людьми для избавления от одиночества и отчуждения, является полное подчинение социальным нормам, регулирующим их поведение. Э. Фромм считал, что такая форма потери индивидуальности — «конформность автомата» — прочно укоренилась у большинства современных людей [8].

Э. Берн характеризовал людей такого типа как латентных социопатов, считая, что они руководствуются не обычными соображениями приличия и человечности, а всего лишь повинуются принятому ими истолкованию того, что написано в книге. Такие люди, говорит Э. Берн, ссылаются в своем поведении на закон, но вовсе не для направления своей совести, а *вместо совести* [9, с. 236].

По-видимому, установка человека на следование формально необходимому проистекает из:

- общего недоразвития его чувственной сферы;
- боязни остаться в одиночестве;
- нежелания рисковать достигнутым уровнем комфортности и устойчивости существования;
- страха остаться незащищенным высшими инстанциями.

Для него непосредственно данное, очевидно, имеет меньший вес и смысл, чем *должное*, более значимым оказывается то, что соответствует жесткой и прямолинейной последовательности действий. Не воспринимая реально происходящее как что-то безусловно значимое, он держится за схемы, пусть и отклонившиеся от реальности, цепляется за них, пока не утвердятся другие («правильные» и санкционированные).

И наоборот. Допуская или одобряя нарушение правил, человек откликается (т. е. опирается в принятии решения) на *непосредственно данное* состояние происходящего, а не на *условно данные* требования (не на необходимость «вообще», а на возникшие непосредственно перед ним). Нарушая букву закона, он утверждает необходимость его осмысленного применения. Для него какая-либо норма является носителем ценности только до тех пор, пока она не стала нечувствительной к живой реальности. Правила для него —

это не некая довлеющая и независимая категория, не самоцель и самооценочность, а социальный инструмент для регулирования социальных отношений для *сейчас* существующих, а не *условных* (подразумеваемых, воображаемых) людей. Можно предположить, что у такого человека имеется способность действовать не просто законосообразно, а с учетом текущего развития событий. Полагаем, уместно напомнить о мнении А. Р. Лурии: говоря о способности человека к пониманию происходящего с ним и вокруг него, он подчеркивал, что это не зависит от широты знаний или степени образования человека: можно встретить людей, с большой полнотой и ясностью понимающих логическую структуру внешнего текста, но почти не воспринимающих его смысла. Способность воспринимать и оценивать смыслы сказанного «...представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению», но в большей степени зависит от эмоциональной тонкости человека [10, с. 246–247]. К. С. Льюис писал: «Бог обращается к человеку шепотом Любви. Если он не услышит его, то голосом Совести. Если не слышит и голоса Совести, то обращается к нему грохотом страданий, болезней, катастроф» [11].

Резюмируя обсуждение дилеммы «между буквой и духом закона», можно с уверенностью сказать, что в человеческих взаимоотношениях сколько ни считай — все равно просчитаешься, если это входит в противоречие с сочувственным отношением к другим людям. Нам остается лишь уповать на то, что когда-нибудь до такого результата «досчитаются» и те, кто сегодня этой аксиомой пренебрегает.

Список литературы

1. Кудрявцев Ю. В. Действие социальной нормы // Юридическая психология : хрестоматия. СПб., 2001. 476 с.
2. Тюрин П. Т. Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований (ПАУНСТ). М., 2010. 264 с.
3. Тюрин П. Т. Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1997. № 1(5). С. 96–102.
4. Harre R. The ethogenic approach: Theory and practice // Advances in experimental social psychology. 1977. V. 10. P. 284–314.
5. Муздыбаев К. Психология ответственности. М., 1983. 240 с.
6. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения : в 2 т. Статьи и заметки. Судебные речи. М., 1959. Т. 1. 627 с.
7. Шибутани. Т. Социальная психология. М., 1969. 535 с.
8. Фромм Э. Берство от свободы. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ fromm/9/j9.html (дата обращения: 16.04.2016).
9. Берн Э. Л. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. Ч. 2. Ненормальное развитие. Глава VII. Что такое социопат. СПб., 1991. С. 236.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1998. 336 с.
11. Льюис К. С. Цитаты. URL: <http://citaty.socratify.net/klaivsteiplz-liuis> (дата обращения: 16.04.2016).

Personal choices in situations of alternative decisions

Tyurin Pavel T.,

Doc. Sci. (Psychology), Professor, Professor of the Department of Psychology,
the Baltic International Academy,
Riga, Latvia. e-mail: pavels.tjurins@e-teliamtc.lv

The article discusses the human motivation in choosing solutions in situations of «double requirement»: when there are both «normative» and situational demands. The problem of fulfilling the standards and their relevance, and the issue of considering the criterion of adequacy of behavior in non-standard situations remain intractable. Both the unconditional adherence to regulatory stereotypes, ignoring requirements arising spontaneously in a life situation and the unreasonable human tendency to disregard the existing social norms of behavior do not meet the criteria of adequate human interaction. Since human behavior is implemented in a large scope: from the rule “in no case one may violate it” to the rule “in no case one may observe it” the existing rules must be promptly corrected according to certain events so that they do not conflict with their objective function and maintain optimal interaction between people.

Keywords: social norms, the circumstances of the «double» requirements — normative and situational requirements, simplicity of behavior, personal choice in decision-making, situational law adjustment.

Citation: Tyurin P. T. Personal choices in situations of alternative decisions. Psychopedagogy in law enforcement. No. 2(69) 2017. P. 33–38.

УДК 159.9 © Н.В. Дмитриева, Л.Н. Антилогова, А.И. Лагунова, 2017

Страх одиночества. Алгоритм и техники психокоррекции

Наталья Витальевна Дмитриева,

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии девиантного поведения
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: dnv2@mail.ru

Лариса Николаевна Антилогова,

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии
Омского государственного педагогического университета.
Омск, Россия. e-mail: Antilogova@yandex.ru

Анна Игоревна Лагунова,

аспирант Восточно-Европейского института психоанализа.
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: yunnis@yandex.ru

Данная статья ориентирована на раскрытие причин возникновения страха одиночества и на оказание психотерапевтической помощи лицам, испытывающим это чувство. В современную эпоху страх может возникать в отношении объектов и ситуаций, не представляющих реальной опасности для жизни. Нередко страх сопровождается депрессивным состоянием, что еще больше усиливает переживание страха одиночества. Следовательно, возникает необходимость оказания психотерапевтической помощи таким людям посредством коррекционных методов, к числу которых относятся ассоциативные карты и специальные техники, одна из них — техника Е. Абрамовой «Дом моего страха». Эта техника выявляет, какие страхи есть у обратившегося за помощью, затем происходит их проработка и вытеснение. У человека, испытывающего страх одиночества, происходит формирование позитивного образа «Я», отказ от позиции жертвы, постепенное налаживание отношений с близкими людьми.

Ключевые слова: ассоциативные карты, внутренний мир, депрессия, жизненный сценарий, информационные технологии, незащищенность, страх одиночества, психокоррекция, обособление, общение, отчужденность, суицидальное поведение, виртуальная реальность.

Для цитирования: Дмитриева Н. В., Антилогова Л. Н., Лагунова А. И. Страх одиночества. Алгоритм и техники психокоррекции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 2(69). С. 38–41.

«Один идет к ближнему, потому что он ищет себя, а другой — потому что он хотел бы потерять себя. Ваша дурная любовь к самим себе делает для вас из одиночества тюрьму».

Фридрих Ницше

Чувство страха знакомо каждому человеку. Оно такое же неотъемлемое проявление эмоциональной жизни, как радость, удивление, восхищение. Боязнь того, чего действительно стоит бояться, на протяжении миллионов лет помогала нашим предкам выживать. Однако в современном мире, когда угрозы не подстерегают нас на каж-

дом шагу, страх может возникать в отношении объектов и ситуаций, не представляющих реальной опасности для жизни, но в то же время это мешает полноценной жизни. Страхов, которые испытывает человек, достаточно много. У каждого возраста свои страхи. В раннем детстве дети боятся темноты, боятся потеряться. У младших